
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Известный русский поэт. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Я советский, как есть, наяву и во сне.
И меня тут не переиначишь.
Я родился в рабоче-крестьянской стране
И воспитан на слове, «товарищ».
Рвать у жизни свое никогда не спешил —
Все равно все в Господних пределах...
Не российский, а русский по духу души,
Православный по вере и делу...

* * *

На черных крышах деревень поморских,
Где в полный рост — тупик и нищета,
То здесь, то там
Грибами из навоза —
Телетарелок белых лепота.
Такие у реальности гримасы...
И в «ящиках» всю на фоне их
Народные шуты и педерасты
Тусуются на шабашах своих...

* * *

Пес кинулся к брошенной корке,
Как кинется каждый из нас,
Оттиснутый на задворки

Судьбою в какой-то час.
Припал благодарной мордой
Он к милости чьей-то людской.
Но снес его, нынче в моде,
Железобетонный «крутой».
Стремглав налетел иномаркой.
Не знаю марки какой.
Но знаю —
жизнь запросто всмятку
Размажет тебя, «крутой».

* * *

Так далеко до мирового братства,
Но что тебе до твердых кулаков,
Когда б ни тень ползучего коварства
Предателей, лгунов, клеветников.
Беда не в том, что некая паскуда
Глядит победоносно, свысока,
А в том, что скрыто давят косяка
Завистник каин, прохиндей иуда

* * *

Храм не пророчил перемен.
У стен его играли дети.
А чуть поодаль — на холме
Под небом четырех столетий,
Познав покой и беспредел
Годов глухую вереницу,
Дуб монастырский шелестел,
Как рукописью летописец...

ПОЛЫНЬ

Знобит в полях полынь осеннюю.
По впадинам и по буграм
Она печально и рассеянно
Дрожит, как в лампочке вольфрам.

И бьет в лицо холодным светом
С пустых озер, с речных излук.
Сорву полынь. Потру — и лето
Вдохну порывисто из рук.

ЗМЕЯ

На шорохи в траве сухой
Я оглянулся.
Столкнулся взглядом со змеей —
Не отшатнулся.
Пригрета солнечностью дня,

Под плеск разлива
Она глядела на меня
Миролюбиво.
В глазах ни злости ледяной
И ни коварства,
А сила мудрости земной
И блеск лукавства.

* * *

Памяти любимой

Двадцать лет мы прожили, как альпинисты,
Вдруг зависнув над бездной — рука в руке.
Двадцать лет мы держались, зубы стиснув,
Но ушла ты слезой по бескровной щеке.
Да, мы были с тобою — завидная пара.
Да, схватил я от жизни коронный удар.
Вот и все. Говорю это не для пиара.
Я не бомж, не артист.
Мне не нужен пиар.

* * *

Романс ли,
арию
или гимн —
их я
слушать
люблю один.
Плакать,
зубами скрипеть,
подпевать —
без лишних,
как женщину
целовать.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Изойдут
И сила,
И гордыня.
Погускнеют
Лица.
Голоса.
Все уйдет —
Останется пустыня.
И глаза
Упрутся в небеса...

* * *

В туманах угасает снег
И терпким ветерком проталин
О том, о сем, о тех о сех ,
Напомнят мартовские дали

Из-за оврагов и холмов,
Из-за полей и перелесков,
На реках лед ломая с треском,
Летит их многозвучный зов.

В нем шум дерев и птичий крик,
Ручьев пронзительные скрипки...
И в лунном свете нежный лик
В мгновенья грусти и улыбки...

ЗАКАТ — 1965 ГОД

Александру Служеникину

Как на скатерти синей
 вишневым вином
Растекалась
 сквозь ветви вишневого сада
Над далекою крышей,
 далеким окном
Золотая загадка
 большого заката.
В жилах
 хмель разливалась,
 навстречу горя,
Дням, что ждали вдали
 за весенним фасадом...
И сквозь белые вишни
 глядела заря.
Как кокетка
 своим обещающим взглядом...

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

То не бесы в поле чистом,
в поле вьюжном, поле мглистом,
в незнакомой стороне.
То витии, то артисты,
культуристы, дарвинисты,
ницшеанцы и фрейдисты —
надрывают душу мне...

ВРАГИ

Смотрели из-за дальнего стола.
Смотрели, наблюдая, изучая.
И я наткнулся на него случайно,
На этот взгляд врага из-за угла.
Глаза такие я встречал не раз —
Недобрые, как будто из укрытья.
Какого черта вы за мной следите?
Откуда вы? Я знать не знаю вас...

* * *

Сирены декаданса русского.
Греха изящного певцы.
А проще, если вне искусства,
То — шлюхи или стервецы.

К ним, не скрывающим пристрастья,
Встречал не раз в стране родной
Помешанных на сладострастии
Девиц литературных рой.

В их щебете — все томно, сладко.
Гостиница... Бокал вина...
Красиво, если б не догадка,
Что тут наигранность одна...

Владимир Корнилов
(г. Братск)

«ПОЗАДИ ГРОЗОВАЯ ЭПОХА...»
Посвящается 69-й годовщине со Дня Великой Победы

Член СП России, выпускник Литинститута им. Горького. Автор 15-ти поэтических книг. Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2010» им. Н. Рубцова и «Сибирского литературного конкурса им. Геннадия Карпунина-2008». За плодотворную работу с литературно-одаренными детьми присвоено звание «Почетный работник общего образования РФ» и высшая квалификационная категория.

ЮРКИНА ПОЭМА

1

Встреча у реки

В стылый вечер я набрел случайно
На костер, пылавший у реки.
Там рыбак сидел и грелся чаем.
Был он стар и без одной руки.
По-отцовски просто он приветил:
«Подходи, сынок, не прогоню!
До чего же нынче лютый ветер! —
Все живое тянется к огню.
...В непогодь такую — и собаку
Человек не гонит со двора.
Вон луну — и ту, как старый бакен,
Раскачали зябкие ветра»...
Пламя все неистовой плясало —
И под эту пляску в старике
В думах его что-то воскресало
В том, видать, суровом далеке.
...И за кружкой чая он поведал
Мне судьбу простого паренька:
«Юркой звали. Ждал он все Победу...
Да не дожил сорок три денька...
Ты, сынок, рассказ послушай деда!
Время многих не вернет назад.
А вот Юрка — русский непоседа —
До сих пор живой стоит в глазах...
Бой, бывало, смолкнет лишь за лесом,—

Юрка шутит: «Гитлеру капут!»
И глаза у озорного беса
Нас огнем лукавым обожгут...
А потом, в минутные затишья,
Все писал, да нам и невдомек,
Что в его скупых четверостишьях —
Боль людей, спрессованная в слог».

2

Память сердца

«Мы прошли через сумрак смерти,
Воскресали из пепла вновь,
Чтоб жилось вам светло, поверьте,
Пусть ценой тому наша кровь».
...И, достав из кармана куртки
Уцелевшей рукой кيسет,
Он добавил: «Стихи у Юрки
Понял я через много лет...
Был он парень, скажу, рубаха:
Хлеб и шутку делил на всех.
Только смерть с одного размаха
Оборвала веселый смех.
...А поэму его из боя
Вынес я — и она жива.
Правда, вот в рукаве пустое...
Да к чему уж теперь слова.
...Вот она, — протянул мне книжку —
В сердце книжки кровавый след,—
Мы любили того парнишку —
И не знали, что он — поэт»...
Завернув самокрутку ловко,
Постоял, покурив молчком...
«Юрка строки писал винтовкой —
И убит был в бою штыком.
В час суровый он не был гостем —
Люто с нами врага крушил.
...Ты, сынок, сбереги наброски —
Память светлой его души».

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА, ИННОКЕНТИЯ ЧЕРЕМНЫХ

1

Мастер

Вы, Иннокентий, мастер в прозе!
Душой восторжен и раним.
Был век для Вас жесток и грозен —
И потому неоценим...

Но Вы прошли горнило века.
...А кто сгорел и пал в боях,—
Взывают к скорби человека
В святых скрижалях письменах.

...И эхо этих грозных буден,
Мгновенья редкой тишины
Вы донести сумели людям
В правдивых очерках войны.

2

Стихи о грозных днях минувших

От грозных лет до юбилея
Пронес он сердце, не жалея.
...Пройдя все адовы круги,
С друзьями съев по пуду соли,
Вдрызг поразбил он сапоги —
И не одни на ратном поле.
...И сам со смертью был на «ты» —
Она вблизи его держала,—
Но всякий раз из темноты
Небытия звала держава.
И он, поднявшись в полный рост,
Шел в рукопашную без страха.
И лишь в груди дышал мороз,
Да сердце билось в ней, как птаха.
...Терял в боях однополчан
Под Курском... Прагою... В Лозани...
И сердцу снилось по ночам,
Как плачут вдовы их слезами.
...Пройдя тот жуткий перевал
Войны длиной в четыре года,
Не раз вопрос он задавал:
«А как на родине погода?..
Поди, намаялась земля? —
От рук мужских совсем отбилась?
...Ужель, где хлебные поля,—
Там сорняками все затмилось?..»
И, взяв в ладони горсть земли,
Понюхал жадно и ноздристо.
И померещилось вдали
Что пашут в поле трактористы.
...«Скорей бы дембель — и домой!
А там, эх ма, держитесь, бабы!..
Да и земле, поди, самой
Пора родить и славить свадьбы!»

БАБУШКА

Дед вернулся с войны
Опаленный, седой и небритый.
Ты навстречу неслась,
Чтобы счастья напитаться досыта.
И от ласки солдатской,
Пропахшей махрой и грозою,
Мир в глазах посветлел
И по-бабьи пролился слезою...
Сколько весен с тех пор
Унесли долгой памяти реки?!
Сто метелей седых
Заплутали в одном человеке.
Возле глаз ручейки
Твою женскую долю вместили.
Ручеек к ручейку —
Родниковые души России.

* * *

*Ветеранам и участникам Великой
Отечественной войны посвящается*

Позади грозная эпоха —
Сколько жизней взяла на погост?!
Но никто до последнего вздоха
Не свернул с этих огненных верст.
...А живые, кто хмеля отведал
Из кровавого чана войны,—
Вы огромной ценой за Победу
Заплатили для нашей страны...
Вас сегодня осталось немного —
С каждым годом редее в строю...
Но по воле провидца и Бога —
Я о вас, о героях, пою...
Пели вам и Бернес, и Вуячич
О саднящей тоске журавлей.
И в сумятице дней тех горячих
Мнился мир вам добрей и светлей.
...От души мы желаем вам счастья,
Самых светлых и солнечных лет,
Чтоб великое ваше участие
Русь хранило от будущих бед!

* * *

Сорок седьмой, послевоенный,
Войны презревший ремесло,—
Мне с этой датой незабвенной
В рожденье очень повезло...

Дал Красный Май* Земле Свободу, —
И всколосилась детвора.
Звонкоголосому народу
Пришла счастливая пора...
Я рос уже под мирным небом,
Но не был баловнем страны:
В те годы было трудно с хлебом —
Мы это знали, пацаны...
...Но жил в народе дух могучий,
Мир возрождавший из руин,
И песни тысячью созвучий
Вливались в наш победный гимн.
И были необыкновенны
В величье тех суровых лет
Отчизны голос вдохновенный
И мирный солнечный рассвет.
...Мне стали датой сокровенной,
Войны презревшей ремесло, —
Сорок седьмой, послевоенный...
Январь. Десятое число.

* * *

Нам мир крепить на доброте сердечной —
Глухой и черной злобе вопреки.
Пора войну похоронить навечно —
И дружбой все сроднить материки!
И пусть друг к другу люди ездят в гости.
...Расти, планета, добрых сыновей!
Чтоб никогда на ядерном погосте
Смерть не блеснула молнией своей!

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

*Памяти погибших
в октябре 1993 года.*

Боль и горечь на душе,
Озабоченность на лицах,
Если Родиной уже
Помыкает за граница...
От газет тошнит давно:
Все «сгайдали» соседям.
Лишь «Кремлевское вино»
Мы с экранов хмуρο цедим...
Тучи рваные висят.
За окном октябрь-месяц.
То дожди заморосят.
...То бедой страну завесит.

* Красный Май — День Великой Победы над фашистской Германией — 9 Мая 1945 года.

ДОКОЛЕ БУДУТ УБИВАТЬ СЫНОВ РОССИИ

*Памяти ребят, погибших
в «горячих» точках»*

Как будто злобный Чингисхан
Вновь в Диком поле:
В огне Чечня и Дагестан,
И Ставрополье.
По жесту злой его руки
Иль воле рока —
На гибель целые полки
Ушли до срока?!
Жестокий ливень неземной
Свинцом каленым
На них обрушился стеной,
Вселенским стоном.
...А их любовь еще цвела,
Был мир нетленным...
Рыдают вновь колокола
По убиенным.
...Над гробом горько плачет мать,
Слез не осилив:
«Доколе будут убивать
Сынов России?...»
У изголовья в горе дед
Зашелся в крике.
...А внук лежит в расцвете лет —
В руках гвоздики.

ПЛАЧ

Зое Александровне Ян-Фа

Люди есть разные: добрые, грубые,
С праведной совестью, с алчностью лжи.
Солнышко красное, солнышко любое!
Нас от вражды мировой удержи!
...Сколь понапрасну пролили мы кровушки?! —
Реченьки полные без берегов.
Бедные матери, горькие вдовушки
Ищут соколиков в стане врагов.
Ищут, надеются — с горем повенчаны —
Жуткий наемник их зверски убил, —
Вот и скитаются Русские женщины
В поисках свежих солдатских могил.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

* * *

Ты не придешь уже сегодня, не придешь,
Ты не придешь уже сегодня — ну и что ж?
Опять стучит, стучится в окна теплый дождь.
Ты не поймешь меня, как жаль, что не поймешь.
Вновь выхожу и умываюсь тем дождем,
Иду по улице, как будто бы вдвоем,
Не вижу, струек, значит сам я, как струя,
Дождь приласкал, своим теплом обнял меня.
Не отпускает, да и сам не уйду,
И от волнения больше слов не нахожу.
Льет теплый дождь, ужасно теплый летний дождь,
Смывая грязь с земли, с души смывая ложь.

БАБЬЕ ЛЕТО

Небо сине на рассвете,
Вечер сливками пропах,
Бабье лето, бабье лето
Узнаю в твоих глазах.
И туманом застоялся
Чистый воздух над рекой,
Как с тобою повстречался,
Потерял с тех пор покой.
Убежать — куда не знаю,
Позабыть бы — не смогу
Бабье лето, это лето
На соседнем берегу.
Не сверну с своей тропинки
И к тебе не подойду.
Только это наше лето
Где-то в сердце сберегу.

* * *

В том, что расстались — я виню себя,
Что мне осталось — строчки, грусти полные.
И жизнь проходит тихо, без огня,
Спокойными, непенистыми волнами.
Мне режет слух вся эта тишина,
Всю душу исцарапало спокойствие...
А ночью часто снится, как она
Ко мне приходит долгожданной гостьею.

* * *

Тучи закрыли небо,
Видно, будет гроза.
Тучи закрыли небо,
Словно твои глаза.
Но не верю, что сгинет,
Что не вернется вновь,
Вместе с дождем не хлынет
В сердце мое любовь.

* * *

Всесильно женщины тепло.
Оно спасет того, кто тонет,
Печаль в душе мужчин разгонит,
Развеет лишь одно оно.
Ночь обернется ясным днем,
И боль в улыбку превратится,
И мысль, крылатая, как птица,
Взовьется солнечным огнем.
Все встанет на свои места,
Жизнь не покажется мгновеньем,
Пустой бессмыслицею, тенью,
Что нас преследует всегда.
Усталость сгинет и уйдет.
И силы новые проснутся...
Но ты не хочешь улыбнуться,
В твоих глазах январский лед.

* * *

Правде надо лишь в глаза глядеть,
Как горька она порой ни будет,
Нас еще такая слабость губит:
Видим то, что хочется узреть.
Оттого теряем мы друзей,
Вдруг любимых женщин оставляем,
Хоть потом, как дальше жить — не знаем,
И не знаем — где найти верней.
Где найти других — надежней их,

Где найти таких, чтоб не продали,
Чтобы руку в трудный час подали,
Чтоб не отвернулись в трудный миг.
Где найти? А надо ли искать?
Я увидел девушку в трамвае,
Не глаза, а будто воздух в мае,
Ими не глядеть бы, а дышать.
А, быть может, это снова ложь,
Горькая усмешка мироздания...
Где мое последнее дыханье,
Если не подышишь — не поймешь!

ГРЕШНИЦА

Грешница, зачем ты так грешишь,
И меня опять не отпускаешь,
В сотый раз, наверно, обнимаешь
Так, что не забудется всю жизнь.
Грешница меня околдовала...
Неужели ночь уже прошла,
Неужели ты уже сказала
Самые хорошие слова...
Неужели есть на белом свете
Женщина, красивая, как ты,
Неужель придется на рассвете
Мне от этой грешницы уйти?

Алексей Скаредов
(г. Тула)

* * *

Юродствую. И что с того?
Ведь крест юродства моего
Не каждый век поднимет враз,
Страшась юродства как зараз,
Проказы, прочей ерунды,
Но я оставлю в нем следы,
Что выведут кого-то в путь
Сквозь непогоды, ветры, муть
К иным, нездешним берегам —
Я часть юродства им отдам,
И буду прав в своей вине
И вдохновении извне.

Юродство нынче не в чести,
Но может вытащить, спасти
Из жизни дряблой передряг
Таких, как мы с тобой, бродяг.
Кому-то надо, сшед с ума,
Сказать, что правда есть. Сама
Она не стоит и гроша,
Пока не вздрогнет в ней душа,
Пока ее не оживит.
И хватит делать важный вид —
Он ни к чему не приведет,
Когда надутый ты удоб.

Юродствуй тоже в этот век,
Когда забыт был человек
В плену компьютеров, машин,
В угаре от горящих шин.
Майдан, антимайдан пройдут,
Но устоит души редут,
Что в этот век не продалась —
Ей не указ любая власть,
Она пройдет войну и мир,
И дрогнет ледяной кумир
Молоха, щерившего пасть,
Ведь суждено ему упасть.

КАРТИНА

Прохладное пиво, копченный балык.
И я к этой жизни, похоже, привык,
Едва разменяв половину.
А что впереди-то? Не знает никто.
Скорее уж Босх, чем галантный Ватто,
Мне пишет судьбу, как картину.
И щерится Ад из корявых щелей,
И дьявол тихонько мне шепчет: «Смелей!
Шагни в этот холст без опаски».
Но я не решаюсь и медлю шагнуть —
Обратный уже ведь не выпадет путь.
Мешаю на черном я краски.

По черному живопись, ох, нелегка —
Дрожит здесь душа, а за нею рука,
И смелость в груди так трепещет.
Пишу, как умею, широким мазком,
И Адова пасть обернулась леском,
И вместо дракона — влет кричит.
Я долго трудился — замазал весь Ад,
И, не ожидая от Бога наград,
Принес я Ему покаянье.
Он выслушал, молча меня приструнил,
Последним мазком Сатану залепил
И продал картины сиянье.

Теперь Он богат, только я не ропщу,
Живу я в картине и свет не ищу —
Он вечно стоит пред глазами.
И вы так хотите? Ну что ж, в добрый путь.
Сквозь тьму, безнадегу, шершавую жуть
Запишете Ад свой лишь сами.

ОТ БОГА К РОКУ

С Богом я говорил о насущных проблемах,
Но обратная связь не фурычит, поверь.
Раздобревших вовсю, расфуфыренных первых,
Как последних, силками выводят за дверь.

А за дверью есть мир с вечным непостоянством —
Нам вариться в нем век без разбора и сна.
В продуваемом всеми ветрами пространстве
Хоть раз в год непременно бывает весна.

А она приключится — не надо к гадалке,
И засыплет черемухой выход и вход.
Вновь просушит апрель на ветвистых расчалках,
Чтобы маем взлететь наобум, наперед.

Пролетая над городом облаком белым,
Она выпустит свет, отбомбится дождем.
Пригрозит: «Ничего!» расфуфыренным первым,
И привет передаст всем последним: «Вас ждем!»

Мы вас ждем на опушках и старых дорогах,
Мы вас ждем по домам и по скитам седым,
У морей и ущелий, по горным отрогам —
Напоить вас водой, как вином молодым».

И потянутся стайки последних — я с ними
Разделю и дорогу, и общий итог,
А весна за столом всех нас радостно снимет,
И на память на фотках распишется Рок.

ПУСТОТА

Инерцией весенней бирюзы
Нам был подарен солнечный денек.
Ямб пятистопный — езженный конек,
Не может он не выдавить слезы.

Прорисовал я нежный горизонт
В пустом стишке, что лез из-под пера,
Но мне понравилась его игра
И вместо трости взял с собою зонт.

Так стильней, что ты мне ни говори,—
Опора при ходьбе и красота.
И что с того, что в строках пустота,
Но где-то екнуло в груди, внутри.

И эту пустоту не променять
На философию из ста томов
Ученых, и не очень-то, голов.
Ту пустоту нельзя не применять.

Она во всем — и в душах, и в сердцах,
В гнезде вороньем, как в башке моей.
А скоро в ней займется соловей —
Бессмысленный, но музыкальный птах.

И все пойдет совсем иным путем.
Дай руку мне в весенней пустоте.
Не те уже, но все же еще те,
Мы, как по небу, пустотой пойдем.

Не важно ни куда, ни почему —
Весна не выдаст, небо не продаст.
Гляди, уже растаял снежный наст
И нет следов обратных по нему.

* * *

Реквием по мечте
Слышится в сотне губ —
Он неказист, почти
Весел и даже груб.

Нету ему конца,
Звуки порвали мглу.
Я даже спал с лица,
Тихо таясь в углу.

Бог с ними, пусть поют,
Я же мечты не предаю.
К черту покой, уют —
Все я ему отдам.

На похоронный крик
Сотни живущих губ,
Полуживой старик,
Я заточил свой зуб.

Полно мечте дышать
Робко на ладан лет —
Мне предстоит решать:
Будет жива иль нет.

Я, как седой демиург,
Ей сотворил приют
В сердце. Скажи, хирург,
Души в сердцах живут?

Пусть же мечта поет,
Вторя за сердцем моим,
И никогда не умрет
В душах — на том стоим.

Вячеслав Тычков
(г. Тула)

Вячеслав Алексеевич Тычков, коренной туляк, врач-педиатр.

* * *

Жизнь, как дистанция атлета,
Одним быть спринтером начертано в роду,
А те штурмуют мили без завета,
Как марафонец в иксовом году.

Настанет день, уйду, куда не зная,
Вдруг стану и шутком, и королем,
А может, буду, как собака злая,
А может, стану птицей-журавлем.

И вот когда весною или в осень,
Над милым краем снова полечу,
Я прокричу: люблю вас очень-очень
И с вами быть по-прежнему хочу!

Но вы меня, конечно, не поймете,
Ведь буду я крылатым и пернат.
А перышко привета подберете,
Простив, в чем был, наверно, виноват.

* * *

Вышел я однажды на дорогу,
На дорогу жизни среди дня.
Мой поклон родителям и Богу,
Что растили, берегли меня.

И чего-то в жизни было много,
А чего-то вообще чуть-чуть.
Вспоминая мать, а реже Бога
Не хотел забыться и заснуть.

Я дурманов разных не приемлю,
Не люблю я это, не хочу.

Пусть пустыня что-то Богу внемлет,
Я же малость только пошепчу.

Как телок бодался яро с дубом,
Рыл копытом землю под собой.
Поплатился, шалый, рогом, зубом,
Но не совладал с своей судьбой.

В жизни ошибался многократно,
Только, ошибаясь, слез не лил.
Хоть, порой мне было непонятно,
Бит за что, за что кому не мил.

И, испив свою по жизни долю,
Я не стал неистово молящим.
Господи, прости мне мою волю,
Что не стал я мало говорящим!

РАЗДУМЬЯ

Хотел понять язык молчанья,
Многоголосье тишины
И шелест трав, ручья журчанье,
Что так в тиши обнажены.

Слова сегодня душу сушат,
Глаза не видят, а слепят.
И уши что-то только глушат,
И стать строкою не хотят.

Но звучность слова мне — милее,
Рельефней выраженье глаз,
И говорят они смелее —
Чем просто «вопиющий глас»,

Который лишь один в пустыне
Как крик о помощи: приди...
Вчера надеялся и ныне,
Не зная, что же впереди.

И кто услышит стон призыва?
Когда я слышать престал.
Слепцом, стоящим у обрыва,
Поняв, что сильно заплутал.

Куда идти? — Вперед ни шага.
Налево — голос тот не там.
Направо — хищников ватага.
И что ж? Обрато — по своим стопам?

Искать себя... Опять скитаться...
А может от себя сбежать?
Чтобы ни с кем не соглашаться
И никому не возражать,

Чтобы спокойно спать ложиться,
А утром весело вставать,
Чтоб самому с собой ужиться
И землю с небом воспевать.

Дмитрий Степанов
(г. Москва)

Дмитрий Степанов родился в 1982 году. В 2004 году окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. С 2005 по 2007 год проходил службу в Вооруженных силах. С 2007 года работает учителем-словесником. В 2004 году опубликовал поэтический сборник «Светотень».

СНЕГИРИ

Бледнее красок акварели
Цвета зари,
Что душу нынче не согрели.
Но снегири!..

Как грозди сахарной рябины
Их легкий пух.
Они сверкают, как рубины,
Меж белых мух.

Звонит пронзительная нота,
И снег не скрыл
Беспечной резвости полета,
Мельканья крыл.

Волшебным звуком наделила
Их голоса
Зимы блистательная сила,
Ее краса...

Но снегирей забудем на год
В чаду весны,
Как эту сладость зимних ягод,
Что так вкусны.

* * *

Послушная память готова
Всегда становиться честней,

Когда возвращается снова
К холодной и поздней весне.

И верю, тогда не напрасно,
Как свежие росписи, сыр,
В душе отразился неясно
Когда-то утраченный мир.

Шло время, и зрение крепло,
И вижу, где пламень угас,
Под грудой холодного пепла
Нежданно зажегся алмаз.

Так вышла любовь из-под спуда,
Как сладостный ключ из земли.
Но кто мне расскажет, откуда
Вы, милая, к нам низошли,

Победно неся сквозь преграды
Волос ослепительный нимб?
От самого сердца Эллады,
Где высится светлый Олимп?

С далеких вершин Арарата,
Где вечен сверкающий снег,
Под коим укрылся когда-то
Спасительный Ноев ковчег?

А может быть, все-таки прямо
Оттуда, где холод и свет —
Под куполом этого храма
Опоры летящему нет...

Увы, описать не сумею
Классический профиль резной —
Античную эту каменю,
Что блещет своей белизной;

И голос, вмещающий странно —
О, как мой язык бестолков! —
Размеренный шаг каравана
И шелест восточных шелков;

И дивную легкость, с которой
Всю душу, что Вами полна,
Стрелой мимолетного взора
Вы словно пронзили до дна!

Елена Барткевич
(г. Новомосковск)

Стихи и прозу пишет с юношеских лет. Член Новомосковского литературного объединения «НЛО». Произведения в разные годы публиковались в местной прессе — газетах «Новомосковская правда», «Грани», «Наш выбор» и в коллективных сборниках — «НЛО», «ЛИК», «День тульской поэзии». Автор стихотворных сборников «Книга дождя» (2001 г.), поэмы «Спор о Моисеевом теле» (2006 г.), «Синее пламя» (2010г.). Имеет литературную страничку на сайте СТИХИ.РУ

СПЯЩАЯ ПРИНЦЕССА

Посреди запутанного леса,
Где болото, темень и овраги,
Я — из сказки древняя принцесса,
Спящая в хрустальном саркофаге.

Он среди пещеры спрятан в нишу.
Вечером, когда и сумрак гуще,
Словно издалека, снова слышу
Голос твой, настойчиво зовущий.

Ты пришел и стан мой обнял сонный.
Таял в небе алый луч закатный.
Узником застенка из бетона
Я к тебе тянусь безрезультатно.

Хочется сквозь одурь сна пробиться,
И на зов ответить... но без толку.
Как рукой в суконной рукавице
Я пытаюсь нитку вдеть в иголку.

Что за ядом опоили тело?
Станным пленом накрепко объято,
Онемев, лежит оцепенело,
Словно мышцы обтянули ватой.

Голубем, в силки попавшим, бьется,
О недостижимом все тоскуя.

Хочет встать — но нет, не удастся,
А уста не чуют поцелуев.

Только сердце бьется редко-редко.
Я лежу, в своем бессилье маясь,
Бесполезною марионеткой,
У которой нити оборвались...

Ты ушел. Рассвет был тускло-серым.
Сказка же — о том, что сон мне снился,
Как, найдя мой гроб во тьме пещеры,
Ты меня будил — не добудился.

ЗВЕЗДОПАД

Мудрости ли знак?
Подлости закон?
В небе — звездопад.
В тучах небосклон.
Чтоб не видеть мне
Падающих звезд.
Чтобы ничего
Не желать всерьез.
Чтоб растаял сном
Прошлогодний снег.
Чтоб моя мечта
Не сбылась вовек.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ТАНЦОВЩИЦА

В районном клубе — зал, на треть заполненный.
На сцене пляшет полненькая девочка.
Не балерина, а цыпленок бройлерный —
Такая вот Создателя издевочка.

Она кружится, прыгает, старается
В задорном танце развеселой нимфочки.
Но, точно лось меж ланей, выделяется
Среди подружек, тонких, как тростиночки.

...Она мечтала с детства — жарко, истово,
Чтоб танцевать красоткой-одалиской
Под рампами театра знаменитого:
Большого иль хотя бы Мариинского.

Плененная придуманной идиллией,
Не думая о мальчиках-приятелях,
Себя девчонка видела Одиллией
У Зигфрида-охотника в объятиях.

Иль, стоя за раздвинутой кулисою,
В пространстве, точно надвое поделенном,
Себе казалась девочка виллисою
В полупрозрачном платьице Жизелином.

Стройней бы египтянки на папирусе
Ей быть; изящней статуэтки глиняной.
Но Бог девчонке — фигу: на-кось, выкуси! —
И не дал ей фигуры балерининой.

Ах, эти звуки музыки бравурные,
Не заглушить надолго вам апатии.
Накрылись навсегда мечты лазурные,
И все ее несыгранные партии.

И обвинять, пожалуй, в этом некого:
Кому не достаются испытания?
Не век же ей теперь пенять на зеркало
И плакать над несбывшимся призванием?

Сейчас она — совсем не огорченная,
Танцовка в шелке платья самопального...
Всю жизнь свою пропрыгать обреченная
На сцене городка провинциального.

СТАРЫЙ ДВОР

Теперь сюда заглядываю редко...
Как изменился ты, мой старый двор!
Где столики, качели и беседка,
Что слышала наш детский разговор?

Как по удобной лестнице, влезали
Мы вглубь листвы черемухи своей.
И терпких ягод грозди обрывали
В раскидистом шатре ее кудрей.

Но некто здесь, не знающий сомнений,
К черемухе однажды подошел, —
И опилил все веточки-ступени,
Оставив голый, сиротливый ствол.

Она стоит, похожа на мальчишку,
Без золотисто-изумрудных кос,
Как будто парикмахер выпил лишку —
И обкорнал красавицу «под бокс».

Как с самыми хорошими друзьями
В минувшие бесследно времена
За домом мы играли с тополями,
Давая им, как людям, имена.

Потом они кому-то помешали,
До самых пней решили их спилить.
Но ветки вновь упрямо отрастали,
Тянулись к небу и хотели жить.

И, наконец, проделать тут решили
Вольготный путь до рыночных палат —
И тополя под корень зарубили,
Замуровали наглухо в асфальт.

Я не прощу вас — те, что сапогами
С далеким детством мне разбили связь.
Вы сердце попираете ногами,
Мои деревья втоптывая в грязь!

А впрочем, что вам до того? Вы вечно правы,
Вам не расслышать никогда немой укор.
И лишь с каштанов падают булавы,
Колючим градом застилая двор.

Но я сюда заглядываю редко...

Изольда Агибалова
(г. Тула)

Окончила ТМУ им. А. С. Даргомыжского, музыкант. Работает в школе искусств им. Г. Галынина. Автор 11 сборников: 5 стихотворных и 6 песенников. Публиковалась в литературных альманахах «На крыльях Пегаса», «Здравствуй, Тула», «Отчий край», «Свет любви», «День Тульской поэзии», «Тула — наш дом», «Три века Тульской поэзии — хрестоматия», газетах «Тула», «Тульский литератор», «Позиция». Лауреат 2 степени Первого областного конкурса композиторов. Член Союза писателей России.

* * *

«В джунглях оконных прячется кто-то...
Может, там мыши? Начнем-ка охоту!»
Тихо крадется, дыша еле-еле:
«Главное, чтоб убежать не успели!
Листик склонен подозрительно низко;
Да, неспроста это!» — думает киска.
Хвост неспокоен и уши прижаты:
«Вот в уголке чуть газеты примяты,
Кто их потрогал — похоже, недавно?»
По подоконнику двигаясь плавно,
Наша охотница ближе и ближе:
«Шустрая мышка, я жду, выходи же!»
Разочарованно в сторону косит:
«Зря не выходит, ведь так ее просят!
Хватит, устала впустую возиться,
Как я настолько могла ошибиться?
Ладно, что делать? Конечно, умыться,
Верить, что мыши придут, и не злиться!»

* * *

В красотку Бабочку Комар влюбился сильно,
Она была умна, стройна, в наряде стильном;
Привычки, голос — все родным ему казалось,
И счастье личное надолго ожидалось.
Приятно Бабочке: вниманье и забота,
Совместный отдых после долгого полета;
И ухажеры Мотыльки ей надоели,
Жуки — грубы... Скучала дама, в самом деле!
Не все ей нравилось, но что же тут такого?
Красотка верила в любовь и силу слова:
«Поговорим, чтоб не страдали мы напрасно.

Ты хочешь быть со мной? Отвечу — да, согласна.
Я вижу: добрый, умный ты и музыкальный,
И рада, если образ, милый мне,— реальный.
Но если будешь кровь ты пить, зудеть-кусаться,—
Молчать, терпеть я не смогу (должна признаться).
Еще ты часто допоздна летаешь где-то,
Со мною так нельзя, не похвалю за это!»
Комар восторженно кивал: «О, дорогая!
Ты приоткрыла предо мною двери рая!
Давно мечтаю пить нектар вдвоем с тобою,
И на ночь в гости — ни крылом и ни ногою!»
Комар старался, выполняя обещанье,
Но становились тяжелей его страдания:
Нектар на пользу не идет, а крови — нету,
А если где-то чуть попьет,— то враз к ответу!
Красотка Бабочка строга была ужасно
И чтобы пил нектар, следила ежечасно.
Вновь каждый раз Комар ей клялся и божился:
«Прости меня, в последний раз я так напился!
За ум возьмусь,— и больше этого не будет!»
А через день опять, вернувшись ночью, будит.
Красотка Бабочка не вынесла такого;
Хоть грустно было говорить прощанья слово,—
Но Комару она «Ступай, мой друг! — сказала.—
От ожидания перемен давно устала,
Не нужен сладких слов обман, скажи мне честно:
И дальше так же будет — точно ведь известно!»

Комар один теперь и без любви страдает,
Зато пьет кровь, захочет — хоть всю ночь летает.
Красотка Бабочка, перенеся страдания,
Решила: только мотылькам дарить вниманье.
Как эта истина стара и как банальна:
Кто пил — тот будет пить, как это ни печально!!

* * *

Заплетает судьба свои нити неверно...
Ты, быть может, последний, но явно не первый,—
Почему же так новы и взгляд, и вниманье,
И руки твоей жесткой простое касанье?
Я поверить хочу и пойти без оглядки,
Счастье кажется близким, и губы так сладки.
Снова нити судьбы не спеша разбираю,
Прячу все узелки, что могу — поправляю.
Ну, а если когда-то не выдержат нервы,—
Не волнуйся, я справлюсь, ведь ты же не первый!

* * *

Любой наш сон — всего лишь сон,
И, как бы ни был он прекрасен,—
Реальностью не станет он.
Надежду тщетную погасим,

Последний тлеет уголек,
Но пламя страсти отгорело,—
Все в мире свой имеет срок.
Я оглянуться не успела,
Как год прошел; он не был сном,
Привычных слов холодный ветер
Тепло унес, и старый дом
Вздыхнул, грустя о прошлом лете.

Там было все как сладкий сон,
Сплетались нежно явь с мечтою;
Теперь, печально удивлен,
Дом видит — порознь мы с тобою.
Остались нам теперь лишь сны,
В них память сохранит, как прежде,
Любовь и радость той весны,
Спасет и возродит надежду!

* * *

Мне грустно, но это не стон одинокий,
Мы просто теперь друг от друга чуть дальше,
И нашей разлуки недолгие сроки
Помогут понять наши чувства без фальши.
Как трудно нам было открыться вначале,
В глаза заглянуть, так боясь ошибиться;
Все годы и беды забудем едва ли,
Летать нет уж сил, мы — усталые птицы?!
А, может быть, хватит раздумий печальных,—
Весеннее небо и ласковый ветер
Приносят привет из краев твоих дальних,
И хочется верить хорошей примете.
Черемуха белой фатой расцветает,
Все дни ожидания как строчки сложу я,
И каждое слово на миг приближает
Твое возвращение. Верю и жду я.

* * *

Однажды Волк, решив остепениться,
К Собаке в дверь под вечер постучал:
«Осознанно пора мне измениться —
От жизни дикой очень уж устал:
Гонимый злой молвой, бегу голодный,
И места нет, что домом смог назвать...
Я гордо выбрал путь себе свободный,—
Но сколько можно одному гулять?!
Собака знала — нету веры Волку,
Но он смотрел так искренно в глаза
И говорил об исправленье только...
Учитывая «против» все и «за»,
Пустила гостя в дом: «Входи! Возможно,
С годами ты и вправду поумнел!..»
А Волк с улыбкой, очень осторожно

Улегся и хвалу всему запел:
Как хорошо — подстилка есть и миска,
Здесь вкусно кормят, гладят, а не бьют!
О, чудо! Счастье оказалось близко
И радостен домашний мне уют!
Я буду ОБРАЗЦОМ для подражания,
Работу в доме сделаю всегда,
Конечно, не оставлю без вниманья
Хозяйку, не обижу никогда!»
Старательно Собаке помогая,
Волк в доме и ухожен был и сыт,
Порядок заведенный уважая,
А прежний образ жизни был забыт.
Пошел раз погулять, навстречу — Волки.
«Ну, как живете, давние друзья?»
«По-старому. Есть, знаешь, слухи-толки...
Ты стал другим? Ответь нам, не тая! »
«Да, я не тот, что был когда-то с вами,
Смерть сея, грозно по лесам гулял;
С кровавыми покончил я делами,
О старости задумываться стал.
Во всем собаке дома помогаю,
Мы очень дружно с ней теперь живем,
Лишь иногда я ночью подвываю
Тихонько, не жалея ни о чем».
Собака рада, да и Волк доволен,
Но... время пробегает день за днем,
И понял зверь, что над собой не волен,
(От жизни часто слишком много ждем.)
Стал вспоминать, грустя о том, что было:
Друзей, охоту, дичи свежей вкус...
Собака от души его хвалила,
Надеялась, что крепнет их союз.
Волк раз — другой пошел в лесок соседний:
«Могу я отдохнуть и погулять?!
Своих знакомых встретил я Медведей,
И Кабаны просили забегать...
Прости, но не могу остановиться,
Иду по делу,— лапы в лес несут!
Так тянет в горло Зайчику вцепиться,
Соблазны вольной жизни тут как тут!»
Собака не ругалась, но сказала:
«Ты сам пришел — никто не заставлял.
Таких речей уже не ожидала,
Но, если так,— прощанья час настал!
Я возвращаю вновь тебе свободу:
Охоться да гуляй и день и ночь.
Не обмануть, не изменить природу,
Хотела б, но не в силах тут помочь!»
Собака, зря себя ты не томи:
Жила в трудах достойных неустанно,
Но, сколько Волка в доме не корми,—
Он в лес ближайший смотрит постоянно!!

Вера Абакумова
(г. Тула)

Наш постоянный автор.

СТАРАЯ АПТЕКА

Памяти моей матери

Немало в Туле мест любимых,
Где часто довелось бывать,
Таких, что не проходишь мимо,
Не заглянув туда опять.
Закрылась старая аптека:
«Ремонт» — бумажка на двери.
Аптеке минуло два века —
Старушка, что ни говори...
Здесь двести лет приготавливали
Микстуры, мази, порошки.
За жизнь хоть раз, но тут бывали
Все абсолютно туляки.
И появлялись здесь нередко
Известный в городе актер,
Из дома нашего соседка,
Мой дед и даже прокурор.
И старого, и молодого —
Болезни всех нас достают.
Но исцеляющего слова,
А не пилюль больные ждут.
Частенько люди шли в аптеку
Увидеть женщину одну —
Ту, что служила здесь полвека
Лишь с перерывом на войну.
За справкой или за советом
Шли обратиться чаще к ней:
Она любила беззаветно
Свою работу и людей.
Она слова простые знала,
Могла помягче отказать,
С улыбкой доброй обещала:
«Зайдите — будем получать».
Но заходили к ней все реже,
Сняв запотевшие очки:
«А наша Ирочка-то где же?»
Все меньше вас, фронтовики...

Уходят люди дорогие,
Кем поколенья спасены —
Встают их образы живые
Лишь в памяти детей войны.
А старая аптека помнит
У елки праздник в Новый год,
Окна широкий подоконник,
Где видно, как парад идет.
Детей работников аптеки
В ней принимали, как в семье.
Все это было в прошлом веке
И в жизни прожитой моей.
Откройся, старая аптека,
С утра пораньше, как всегда:
Здесь дух твой жив уже два века —
Так тянет вновь войти сюда!
Пестрит названьями реклама,
И справку выдаст Интернет.
В аптеке, где служила мама,
Теперь есть все — там мамы нет...

СТАЛИНГРАД — НАВСЕГДА!

К 70-летию Сталинградской битвы

Год сорок третий, век двадцатый
Запомнил мир и наш народ:
На Волге враг узнал, проклятый,
Что будет, коль с мечом придет!

Все меньше вас, кто был в те годы
В больших боях за Сталинград.
Но за грехи Вождя Народов
Назвали город «Волгоград».

Покорно приняли решение
Названья больше не менять
И Сталинградское сражение
Шесть дней в году лишь вспоминать.

Архивов пыль не в состояние
Великих подвигов покрыть:
Нам с каждой буквы в том названье
Кровь до сих пор никак не смыть...

Блокадный Питер не смирится
И спросит нас когда-нибудь:
А что, название «Царицын»
Слабо хоть на денек вернуть?

К чему слова, когда на деле
Найдутся деньги, господа.
Не хватит нам одной недели:
Мы помним СТАЛИНГРАД всегда!

Елена Родченкова
(г. Санкт-Петербург)

ЗВЕЗДНАЯ СТРАНА

Родченкова Елена Алексеевна — родилась в г. Новоржеве Псковской области в 1965 году. Закончила библиотечный факультет ЛГИК им. Крупской и юридический факультет СПбГУП. Член СП России с 1997 года, поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель. Лауреат нескольких премий, в том числе Всероссийских литературных премий имени В. Белова, им. Э. Володина «Имперская культура», автор 25 книг. Живет в г. Санкт-Петербурге, работает адвокатом ГКА СПб.

ОСЕНЬ

Богатый год, как милостыню, бросил
В протянутые руки жизни — осень.
Какую осень, Господи, какую!
Ликующую в звуках — аллилуйя!

Поправ наряды, золото, мониста,
Смиренно встала и вздохнула чисто...
Какая осень, Господи, какая!
Блудница бывшая, теперь — святая.

Так тихо-тихо смотрит сквозь ресницы
Смиренница, послушница, черница
Заплаканными, светлыми глазами
На все, что не было и было с нами.

В торжественном отчаянье предсмертья
Слетают с века листья-лихолетья,
Вторгаясь в устье времени рекою
Могучего, неожиданного покоя.

На страшный суд идти земля готова,
Чтоб умереть и возродиться снова.
Проходит жизнь — но смерть проходит тоже!
Какая осень... Господи мой Боже!

СМОРОДИНА

Белую смородину собирает дед.
Красную смородину собирает мать.
Ну а мне-то вроде бы
Больше повезло:
Черная смородина сыплется в ведро.
Сладкая, медовая, русский виноград,
Крупная, садовая, гулкая, как град.

Почему ж у матери скорбные глаза?
А у деда старого на щеке слеза.

Красная — опасная —
Руки все в крови,
Будто сердце страстное —
Рвется от любви.
Белая вся светится —
Россыпь пуль в руке,
Звездочками с месяцем —
Тает в кулаке.

Дед сказал:
— Ты черного
Ох, и пожужьешь...
Богом угощенная,
Попадешь под дождь.
Не страшись крученого,
Хлесткого — не трусь,
Жженую, копченую —
Головешку — Русь
Привези на родину,
В этих вот кустах,
Посреди смородины
И поставь.
Если станет слезами
Поливать народ,
То — коли не поздно ей —
Оживет...

БАБА

Самая нежная сила
Очень сурова на вид.
Баба в глубинке России
Мало о чем говорит.

Будто уже отмечталась,
Песен она не поет.
Баба в России устала,
Просто живет и живет.

Молча взирает на лица,
Как на картинки, она.
Будто бы сон ей снится,
Будто бы — век без сна.

Ей бы на всю Россию
Правду заголосить,
Но деликатная сила
Мир бережет Руси.

Смотрит светло и строго:
«Воля-то — не моя.
Воля на все — Бога.
Это — Его земля».

РУСЬ

Она туманна, будто родом из тумана.
Она загадочно смеется, плачет странно.
Она беззвучно говорит, она сияет,
И свет, который в ней разлит, не иссякает.

Она отпустит и простит, но спросит строго.
Она сурова, будто родом из острога.
Ее прохладно ледовитое дыхание
И тяжело тысячелетнее молчание.

Она не просит ни о чем, но верит в чудо.
Она такая, будто родом ниоткуда.
Свою погибель в дар берет.
Великий Боже!
Ну как Ты сможешь без нее?
Ведь Ты не сможешь...

* * *

Хрупки дубы
В пересохшем гербарии.
Русские, русичи,
Росы и арии.
Русые косы
И сильные руки,
Росы и грезы,
Стрелы и луки,
Храмы могучи,
Березоньки грустные,
Парус сквозь тучи —
Русичи, русские.

Нынче рассеялись мы, растерялись...
Чуешь, как гибло звучит:
Рос-си-я-нин...
Раса растает,
Растут расстояния.
Так нас! Под северное сияние.
Так нас! Во льды, в заточение вечное!
Русские, росы,
Да что ж мы, беспечные?

Ворот разорванный,
Жемчуг раскраденный,
Вспомните, кто мы
И кто — наши прадеды!
В пьяном разгуле
Слеза покаянная.
Раса великая,
Рас-се-ян-на-я.
Бьется в веригах
И жаждет спасения.
Дальше: распятие, смерть, воскресенье.

ПОЭТ

Поэт в России — меньше, чем поэт,
Когда он больше плачет, чем поет.
Поэт поет, пока живет народ.
Народ живет, пока поет поэт.

Словами до краев душа полна,
Но сила — лишь в наивных и простых.
Когда Россия — больше, чем страна,
Рождаться должен более чем стих.

У времени — нечестие в чести.
Любовь ушла, мир слышать перестал.
Когда эфир, как дикий пульс частит,
Молчание не исцелит сердца.

Таинственного разворота лет
Достигнет тот, кто все же запоет!
Не плакальщик России ты, поэт.
Ты Словом сотворишь путь ее.

* * *

Все сложное — ложно. Где просто — там ангелов сто.
А может быть больше. Незрима крылатая сила.
Теперь стало модным спасать от поэтов Россию,
А знаешь, в чем сила поэта? — в холодном пальто!

Послушай, купи мне, пожалуйста, рыжую шубу.
Веселую, лисью, осеннему саду под стать.
Прекрасней Елены Прекрасной в той шубе я буду,
Мудрее Елены Премудрой сумею молчать.
Скажи мне, зачем этот мир убивает поэтов?
Не купишь мне шубу? Тогда я продолжу стихи.
Вся сила — в пальто. В нем тепло тем, кого уже нету,
И тем, кому должно на смену убитым прийти.

